

© 1993 г. РОЗЕН Х.Б.

ВОЗМОЖЕН ЛИ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ СИНТАКСИС?**Грамматичность предложения.**

Относительно синтаксиса существует несколько новых теорий — я имею в виду не только генеративную теорию. Мне представляется, что эти новые идеи еще недостаточно использованы при изучении и.-е. синтаксиса — или синтаксиса любой другой языковой семьи — для разумного и плодотворного сравнения. Если же обратиться к генеративной теории, то большим ее достижением следует считать понятие "грамматичности" предложения, являющееся составной частью определения порождающей грамматики, и эксплицитные требования, позволяющие выработать критерии выделения грамматичности. Этот аспект часто упускается из виду из-за предубежденности генеративистов относительно универсальности понятия грамматичности, заставляющей их утверждать, что предложение группируется вокруг именного и глагольного сочетаний, а в противном случае либо неграмматично, либо представляет собой результат трансформации. Следует проверить, достаточно ли сходны критерии грамматичности в и.-е. языках, чтобы позволить установить "общиндоевропейские" синтаксические модели. Я предпочитаю говорить "общиндоевропейские", а не "протоиндоевропейские", так как под реконструкцией я понимаю именно предположение о том, что одна или несколько исторически засвидетельствованных языковых систем находятся ближе к некоторой исходной точке, от которой могли развиваться другие различные языковые группы и диалекты.

Новые синтаксические теории.

Говоря о новых синтаксических теориях, я прежде всего имею в виду грамматику зависимостей (подразумевающую теорию валентности), грамматику падежей и теорию трех синтаксических функций, описывающую возможность организации предложения по трем уровням — грамматическому, актантному и информативному. Поскольку меня сейчас интересует грамматичность, т.е. черты, очевидные на грамматическом уровне, то я не затрагиваю коммуникативный (информативный) уровень и, в частности, не вникаю в вопросы "рематической ориентации" (например, не выясняю, возрастает ли рематичность к концу грамматичного предложения или убывает¹), так как на современном этапе исследования нельзя установить, применимы ли черты, относящиеся к этой главным образом типологической области, для сопоставления в генеалогических рамках.

Об исследовании грамматичности.

Обратившись к серьезным трудам по обще-, или протоиндоевропейскому синтаксису, созданным за последние два десятилетия, следует признать, что несмотря на свои блестящие достижения, В. Леман², Ф.Бадер, К. Уоткинс и

¹ Идея "рематической ориентации" была подробно изложена в моем докладе "Многокомпонентные составляющие и характеристика информативной функции" ("Constituants pluricomponentiels et la caractérisation de la fonction énonciative"), прочитанном в 1989 г. на ежегодной сессии Парижского лингвистического общества; он будет опубликован вместе с другими докладами в "Mémoires de la Société de linguistique de Paris (Nouvelle Série)".

² В работе Лемана исследование грамматичности не упоминается среди рассматриваемых вопросов в главе о "Целях синтаксической реконструкции протоиндоевропейского языка".

В. Дресслер [1—6] по существу не занимались изучением грамматичности. Лейтмотивом их штудий, охарактеризованных в обзоре Гамкрелидзе [7] как "исследование некоторых свойств синтагматической типологии", является либо последовательность расстановки составных частей предложения [рассматриваемых как подлежащее, глагол и т.д. (Леман, Дресслер)], либо то, что Ф. Бадер называет "развертыванием" (*déroulement*) и.е. предложения (в виде акцентных единиц или частей речи). И хотя П. Фридрих в своей монографии [8] выражает опасения относительно того, каково истинное соотношение (если о нем вообще можно говорить) между типологией и реконструкцией, тем не менее он poświęтил целое исследование теме, которую можно отнести к гринберговской идее "порядка значимых элементов". Однако ни в одной из упомянутых работ ничего не говорится о том, какая из последовательностей приемлема грамматически, — например, SVO или VOS. В большинстве случаев говорится лишь о том, какая из последовательностей маркирована, а какая — не маркирована, или нейтральна, и о том, может ли маркированность переходить от одного типа к другому на протяжении истории языковой группы. Но даже если мы согласимся, что маркированность, несмотря на субъективность критериев ее установления, определена корректно, — все же само понятие маркированности подразумевает, что оба (или все) элемента — как маркированный, так и немаркированный — должны быть грамматичны. Следовательно, все указанные исследования, хотя и могут быть важны для типологии (в определенном ее понимании), грамматически ценности не представляют³.

Общие критерия грамматичности. — Модели. — Условия грамматичности.

И.е. предложение грамматично⁴, если оно обладает одним из следующих трех свойств, независимо от того, содержит ли оно глагол.

1. А. Финитность (т.е. предложение содержит форму, указывающую на лицо).

С глагольным предикатом:

Лат. *Pluit* "Идет дождь".

Лат. *Itum est in uiscera terrae*

"Вошли в недра земли".

Скр. *Ity iwāsa* "Так он сказал".

Греч. *Σαλπίζε Τрубят*".

Русск. *Я спал*.

С неглагольным предикатом:

Лат. *Ille ego, qui fuerim...lusor*

"Это я — тот, кто был... певцом"

Хетт. *Marsants tsik* "Ты лжив".

Скр. *Twam Warunah* "Ты — Варуна".

Лат. *Sic ego* "Так (поступаю) я".

Необходимо указать, что "глагол" в данном контексте не обязательно означает "личный глагол", а с другой стороны, финитность, т.е. маркированность лица, не обязательно означает наличие глагола.

2. Б. Согласование в числе и роде.

С глагольным предикатом:

Скр. *Na kaṣcid dṛṣṭawān*

"Никто не видел".

Хетт. *Memiyas istantants*

"Дело отложено".

С неглагольным предикатом:

Лат. *Omnia praeclara rara*⁵.

"Все прекрасное редко".

Скр. *Ṣitalā rātrih* "Ночь холодна".

³ К. Уоткинс [4, с. 307] отмечает в связи с работой Фридриха: "Следует помнить, что поскольку синтаксис вовсе не идентичен порядку слов, постольку многие явления из области порядка слов ни в каком смысле не являются синтаксическими".

⁴ Следующий раздел, представляющий исходный пункт нашего исследования, базируется на докладе, прочитанном на XIII Международном конгрессе лингвистов (Токио, 1977) и позднее опубликованном [9].

⁵ Это предложение обычно неправильно интерпретируется в грамматиках, так как рассматривается вне контекста. Контекст же таков: *Digni... sunt amicitia, quibus in ipsis est causa, cur diligantur. Rarum genus (et quidem omnia praeclara rara)* (Cic. De amic. 79) "Достоинны дружбы те, в ком заключена причина, почему их любят. Это — редкая порода (ведь и все прекрасное редко)". См. [10], где исследуется соотношение между релятивной структурой синтаксической модели и ее способностью принимать синтаксические частицы (*quidem*).

3. В. Циркумстанциальность (наречность).

С глагольным предикатом:

Англ. *How was the movie?* "Как фильм?"

Нем. *Heute abend wird getanzt*

"Сегодня вечером танцы".

Нем. *Wann ist Ostern?* "Когда Пасха?"

Лат. *Sic est* "Вот как (обстоит дело)".

С неглагольным предикатом:

Скр. *Ewā satyam* "Это правда".

Скр. *Yathā vṛkṣas, tathā phalam*

"Как дерево, так и плод".

Греч. *Ἐνδοῦ δ κύριος*; "Дома хозяин?"

Н.-греч. *εἰς ἀθήνη* "Здесь Афины",

ср. лат. *Sic ego* "Я так действую".

Это делает необходимым четкое ограничивающее определение наречности, которое включило бы все обстоятельства, но исключило бы некоторые модальные определения; в противном случае мы получим и такие неграмматичные конструкции, как⁶:

4. Англ. *°Therefore peace.*

Лат. *°Sapiens bonum*

в то время как следующие предложения грамматичны:

5. Лат. *Bene est* "Хорошо".

Англ. *°Easily house.*

Лат. *°Sapiens bene,*

Лат. *Sapiens bene est*

"Мудрец в добром здравии".

Лат. *Aliter sum* (Теренций)

"А я — иначе".

Франц. *Le sage est bien*

Выдвинутые нами критерии действительно являются неизменным условием грамматичности, ибо достаточно очевидно, что их полное отсутствие влечет за собой неграмматичность такого предложения, как *Sic Caesar*, в то время как *Sic est* (Гораций) грамматично благодаря финитности глагола, а *Sic ego* (Цицерон) — благодаря маркированности лица.

Все модели и, соответственно, маркеры предложения представлены в современных языках, хотя в различной степени, но все больший вес приобретают глагольные типы, в чем можно убедиться, переведя неличные фразы из групп 1—3 на английский, немецкий, французский, латынь. Это особенно справедливо для неличных глагольных предложений из группы 2. Например,

6. Греч. *Ὀὐδείς ἑώρακός ἦν*

Соответствует скр. *Na kaçcid*

dṛṣṭawān "Никто не видел".

соответствует хет. *Memiyas istantants*

"Дело отложено".

Лат. *Res dilata est*

В некоторых языках безличные формы глагола требуют выражения категории лица посредством добавления вспомогательного глагола, связки и др. Чем "моложе" стадия развития языка, тем меньше становится безличных глагольных форм, не требующих такого добавления. В следующих примерах безличность конструкций в правом столбце нормативна или даже совершенно обязательна для данного языка, как и "личность" конструкций — в левом:

7. Безличные глаголы, требующие личной формы:

Лат. *Nunc est bibendum* "Теперь нужно пить".

Безличные глаголы, не требующие личной формы:

Греч. *ἡμῖν ἀγωνιστέον* "Нам нужно бороться".

Лат. *...Ab illo visum est*

Скр. *...tena dṛṣṭam.*

"...Им было видно".

Греч. *ἀπυρένοι εἰσὶν* "(то, что) они пришли...".

Русск. *Приехали.*

Точно так же, как в сравнительной морфологии или фонологии, в контексте сравнительного синтаксиса можно установить как общиндоевропейские черты, так и инновации или модификации, произошедшие в отдельных ветвях и.-с. языков: если эти инновации сходны, можно попытаться определить, в какой период и с

⁶ Неграмматичность мы обозначаем значком °.

⁷ Об этой функции перифрастических конструкций в греческом, придающей им значение дерематизации, см. [11—12].

какой скоростью они происходили. Повторяю, это в точности то же самое, что мы делаем в сравнительной морфологии и фонологии, и нет никаких оснований не применять тех же методов в сравнительном синтаксисе.

Причиной постепенного становления глагольных моделей предложения является тот факт, что согласование, которое в неглагольных предложениях не включает лица, а только род, число и, как мы увидим далее, падеж, стало обязательно включать в себя и лицо, поскольку в личных формах глагола число неотделимо от лица. Таким образом, предложение типа *Omnium fortissimi sunt Belgae* "Бельги — храбрейшие из всех" по сути избыточно характеризовано, согласование в нем выражено дважды. Подобным образом оказывается естественным, что когда язык, развиваясь, приобретает неглагольные предикаты, не способные согласовываться с подлежащим, согласование обязательно проявляется в форме глагольной связки (см. последний приведенный список примеров). В некоторых языках это привело к появлению адъективных — т.е. способных к согласованию — форм, функционирующих в качестве циркумстанциальных предикатов, на месте которых было бы справедливо ожидать наречия, например:

8. Греч. Ποδαλόν τὸ δῶρον "Откуда этот подарок?" (Soph. fr. 453) Χθιζὸς ἔβη "Вчера он ушел" (Hom. II. I. 424)

В первом предложении грамматичность сохраняется благодаря согласованию прилагательного с подлежащим, во втором — с личным глаголом. Это в особенности характеризует те языки, где качественный предикатив утратил склонение и выступает в форме, совпадающей с наречием, т.е. неспособной к согласованию:

9. Нем. *Der Mann singt schön*
"Этот человек прекрасно поет".

Der Mann ist schön "Этот человек прекрасен" (но *der schöne Mann* "прекрасный человек").

Ср. также вопросительные предложения из группы 3: ни один современный язык не знает вопросительного качественного прилагательного, подобного лат. *qualis*⁸, греч. ποτος и т.д. На этом основана знаменитая французская шутка:

10. *Comment avez-vous trouvé ce restaurant?* "Как вы находите этот ресторан?"

Ответы: а) *Excellent* "Превосходным" (ожидаемый);

б) *En sortant du métro et tournant à gauche* "Выйдя из метро и повернув налево" (неожиданный).

Если описанный процесс не произошел и несклоняемые предикаты используются в личных предложениях, содержащих связки, то, в случае сохранения и более архаичной формы, она приобретает регистровую окраску и носит скорее характер, например, афоризма или восклицания, чем простого высказывания:

11. Франц. *Quel est le malheur?*
"Что случилось?"

vs. *Quel malheur!*
"Какое несчастье!"

Лат. *Quot sunt?* (Pl. Rud. 564)
"Сколько их?"

vs. *Quot homines, tot sententiae*
(Ter. Ph. 454)

"Сколько людей, столько мнений".

Omnia praeclara sunt rara
"Все прекрасное редко".

vs. *Omnia praeclara rara* (ср. 2)

Эта форма может быть также маркирована по типу предикации (т.е. определена обстоятельством или указательно, в противоположность общим утверждениям). Сюда же можно отнести и те типично латинские восклицательные предложения, где отсутствие глагольной связки приводит к изменению падежа субъекта от именительного — к винительному:

⁸ Кроме соответствующих пар типа франц. *tel* — *quel*, итал. *tale* — *quale*. "потомки" лат. *qualis* сменили к квалифицирующую функцию на идентифицирующую, что способствовало их включению и в относительную синтагму, подобно франц. *lequel*, ср. н.-греч. ο οποιος(ς). То же и в германских языках: в вопросительном контексте нем. *welcher*, англ. *which* являются качественными, а в относительном — анафорически-идентифицирующими.

12. Лат. /Ego/ *misera sum* "Я несчастна". vs. *Me miseram!* "Горе мне!"
 Лат. *Ridicula (est) res* "Это забавно". vs. *O rem ridiculam!* "Сколь забавно!"

Здесь можно добавить, что тот тип описания и классификации, который мы предлагаем для и.-е. синтаксиса, открывает интересные перспективы — такие, как возможность предсказать возникновение и развитие перифрастических типов (это можно сделать только на основании предложенной системы⁹) или возможность утверждать, что там, где присутствие глагола в личной форме стало обязательным или почти обязательным, более архаичная неличная модель предложения становится показателем подчиненности. Объем статьи не позволяет останавливаться на этих вопросах более подробно, но можно с уверенностью предположить, что создание сравнительного синтаксиса на базе синтаксиса моделей, ориентированного на критерии грамматичности, позволит разрешить множество проблем.

Предложенные нами условия грамматичности неэллиптического предложения могут, следовательно, рассматриваться как изначально присущие и.-е. языкам и формирующие неотъемлемую часть их сравнительного синтаксиса. Но положения сравнительного языкознания были бы тривиальны, если бы были справедливы для всех языков; они имеют смысл только тогда, когда верны в основном для данной языковой группы и не полностью применимы для другой.

Полезной иллюстрацией сказанного могут служить семитские языки. Эта языковая семья имеет почти столь же давнюю традицию филологического исследования, как и индоевропейская, по причине ее глубоких корней в *philologia sacra*, текстуальном исследовании Писания. Между индоевропейскими и семитскими языками имеется два существенных различия, хотя и в тех и в других согласование в роде и числе является признаком предложения, а вербальность — нет.

1. В семитских языках определенность (детерминация), которая в индоевропейском вовсе не является изначальной грамматической категорией, морфологически маркирована и слита с так называемым "падежом". Связность же предложения, или то, что мы называем признаком свойства предложения, обеспечивается отсутствием согласования в детерминации двух именных элементов, согласованных по другим параметрам. Морфологические характеристики определенных форм в отличие от неопределенных представлены здесь в библейском еврейском языке с препозицией артикля, в аккадском — языке с постпозитивной морфологической детерминацией, и в арабском, где существуют одновременно оба способа:

13. "Дом"	Аккадский		Арабский		Еврейский	
	опред.	неопред.	опред.	неопред.	опред.	неопред.
Предикатив	—	<i>bīt-ḫ-</i>	—	—	—	—
Непредикатив "номинатив"	<i>bīt-u</i>	<i>bīt-u-m</i>	<i>al-bayt-u</i>	<i>bayt-u-n</i>	<i>ha-bāyit</i>	<i>bāyit</i>
"аккузатив"	<i>bīt-a</i>	<i>bīt-a-m</i>	<i>al-bayt-a</i>	<i>bayt-a-n</i>		
"генитив"	<i>bīt-i</i>	<i>bīt-i-m</i>	<i>al-bayt-i</i>	<i>bayt-i-n</i>		

Эти морфологические средства служат для материализации контраста между предикативной и атрибутивной связью, т.е. нексусом (проблему характеристики именного предложения с неопределенным субъектом мы оставляем в стороне, так как она не входит в сферу нашего рассмотрения):

14. Нексус именного сочетания	Нексус именного предложения	
Неопред.	Опред.	Опред. субъект + предикат
Акк. <i>bīt-u-m rab-u-m</i>	<i>bīt-u rab-u</i>	<i>bīt-u rab-ḫ</i>
Араб. <i>bayt-un kabīr-un</i>	<i>'al-bayt-u 'l-kabīr-u</i>	<i>'al-bayt-u kabīr-un</i>
Евр. <i>bayit gādōl</i>	<i>ha-bayit ha-gādōl</i>	<i>ha-bayit gādōl</i>

⁹ Некоторые предварительные шаги в этом направлении сделаны в нашей работе [9]; вскоре увидит свет более детальное и развернутое исследование данной темы.

Это очень напоминает классический, постгомеровский, греческий¹⁰, но, разумеется, не является общеиндоевропейской чертой.

II. С другой стороны, согласование в лице, числе и роде функционирует в классическом семитском так же, как глагольность в древнем индоевропейском. Оно может быть введено в любое грамматическое предложение, тема которого — существительное без указания падежа — стоит в начале предложения. Это осуществляется путем добавления согласованного анафорического местоименного элемента, что дает в сущности такой же эффект, как введение глагольного элемента в и.-е. предложение: согласованное предложение маркирует начальную часть как тематическую, или топикальную, тогда как то же предложение без местоименного согласования не маркировано в отношении рематической функции. Из следующего примера видно, что в предложениях такого типа сегмент, следующий за вынесенной вперед темой, сам по себе есть грамматическое предложение.

15. Несогласованное предложение (отношение "тема — рема" не маркировано)	Согласованное предложение (тематически маркировано)
Тема-имя	Тема-местоимение, повторяющее имя-тему
<i>'et-hā 'dres lkd 'et'ēn</i>	<i>lkd 'et'nen ā</i>
"Я дам тебе эту землю"	"Я дам ее тебе".
	<i>hā 'dres lkd'et'nen ā</i>
	"Эту землю я дам тебе".

Мы обратились к особенностям, характеризующим неиндоевропейский тип синтаксиса, с тем, чтобы показать, что черты, отмеченные нами для индоевропейского в соответствии с предложенными критериями, являются столь же общими и характерными для индоевропейского, как семитские черты являются общими и характерными для семитских языков. Последнее утверждение считается в лингвистике тривиальным; тем удивительнее, что аналогичное утверждение обычно не делается и для сравнительной грамматики и.-е. языков.

Падежи и грамматика падежей.

Необходимо принять во внимание, что условия грамматичности и.-е. предложения ничего не говорят о падежах: падежи обязательно подразумеваются, если в синтаксисе типа SOV субъект и глагол находятся на одном уровне, так как падеж субъекта тесно связан с глагольной формой и обусловлен ею: А. номинатив с личным глаголом; Б. аккузатив с инфинитивом (способный трансформироваться в номинатив с инфинитивом); В. абсолютный падеж с причастием:

16. А. *Taurus* (nom.) *mugit* "Он, бык, мычит" > "Бык мычит".
 Б. *Dicunt taurum* (acc.) *mugire* "Говорят, что бык мычит".
Dicitur taurus (nom.) *mugire* "Сказано, что бык мычит".
 В. *tauro* (abl. = loc. = temp.) *mugiente* (abl. = loc. = temp.) причастия "Когда бык мычит...".

По другому поводу [14] мы более подробно разбирали вопрос, какая из падежных форм является первоначальной для абсолютной причастной конструкции, в соответствии с моделью валентности, подвергшейся трансформации в причастную конструкцию. В любом случае ясно, что это всегда — падежная форма, характеризующая невалентное дополнение и не используемая в качестве валентного дополнения; это важное различие, которое можно объяснить, перейдя к грамматике зависимостей.

Существует очень интересный факт, свидетельствующий о взаимной независи-

¹⁰ Когда артикли в классическом греческом полностью развились, одной из его важнейших функций стало различение предикативной и атрибутивной связей в именных предложениях без связи, например: πολλὰ θεῖνά "многие страшные вещи", τὰ πολλὰ θεῖνά "эти многие страшные вещи", Πολλὰ τὰ θεῖνά "Страшные вещи — многие". Ср. [13], где рассматривается фраза Платона (Theaet. 188 b): ἄς ὁ Σωκράτης θεῖντος ἢ ὁ θεῖντος Σωκράτης "Как будто Сократ — это Теэтет или Теэтет — это Сократ".

мости синтаксиса и грамматики падежей: там, где отсутствует согласование в роде и числе между грамматическим подлежащим и неглагольным грамматическим сказуемым (т.е. когда последнее выражено существительным), не существует и согласования падежей (разумеется, при условии, что грамматичность предложения обеспечивается финитностью — наличием связки). Иными словами, явление, кажущееся столь естественным, а именно, что падеж именного предиката повторяет падеж именного субъекта, — как в следующих примерах, — вовсе не является обязательным:

17. Лат. *Socrates (nom.) homo (nom.) est* "Сократ — человек".

Греч. *Σωκράτης (nom.) ἄνθρωπος (nom.) ἐστίν* "Сократ — человек".

Скр. *Wāyur (nom.) (asti) dewatā (nom.)* "Ветер — божество".

Нем. *Der Herr (nom.) ist Jude (nom.)* "Этот господин — еврей".

Русск. *Он (nom.) был доктор (nom.)*.

В самом деле, многие и.-е. языки обобщили этот тип по аналогии с предложениями, в которых предикативную функцию выполняет прилагательное, где различие падежей нейтрализуется. Но существуют языки — как в древности, так и в наши дни, — где в предложениях со связкой падеж грамматического сказуемого-существительного может отличаться от падежа грамматического подлежащего:

18. Русск. *Он был доктором (instr.)*.

Греч. *Σωκράτης (nom.) ἀνθρώπῳ (dat.-instr.) ἐστίν* "Сократ — человек" (т.е. "Сократ относится к категории людей").

Лат. *Hoc (nom.) mihi curae (dat.) est* "Это моя забота".

Ясно, что значения этих предложений не вполне эквивалентны тем, у которых именной предикат согласован в падеже с субъектом. Возможно, источник этого различия — различие "синтетической" и "аналитической" предикации; последняя указывает на внутреннее неотъемлемое качество, присущее описываемому объекту. По всей вероятности, это связано с аналогичными различиями между разными типами нексуса и.-е. предложения (в том числе — с различием между неглагольными, или лишенными связки, и глагольными сочетаниями), как я предположил в своем исследовании [15], посвященном некоторым типам предикации в древнем индоевропейском.

Ср.:

19. Лат. *Misera sum* "Я несчастна" (постоянное качество)

vs. *Misereor* "я страдаю" (в настоящий момент)

Лат. *Luce (abl. compar.) clariora sunt consilia tua* "Мысли твои яркие как свет" (яркость — неотъемлемое свойство света; свет обладает наибольшей возможной яркостью)

vs. *Lux solis clarior est quam lux (nom.) lunae* "Свет солнца ярче, чем свет луны".

Лат. *Aurum est splendidum (adj.)* "Золото блестящее".

vs. *Pecula splendent (vb.) auro* "Кубки блещут золотом".

Греч. *Ἴπποι λευκότεροι εἰσὶν χιόνος* "Кони белы как снег" (белизна — неотъемлемое свойство снега; снег обладает наибольшей возможной белизной).

Если мне удалось [15] установить это свойство на основе указанных и других конструкций, в которые мы не будем сейчас углубляться, то можно с уверенностью утверждать, что и.-е. синтаксис содержит различные типы предикации и формальные способы различия между ними, что, по моим данным, является типологически большой редкостью в других языковых семьях. Это свойство, между прочим, сохранилось в испанском, где для двух описанных типов предикации используются два разных типа связки.

О взаимной независимости падежей и грамматичности и.-е. предложения свидетельствует и другое явление: то, что грамматический субъект не обязательно стоит в так называемом "субъектном падеже", каковым для независимого

предложения является номинатив. Это явление также отличает индоевропейский от других языковых семей: его нельзя наблюдать, к примеру, в древнесемитских языках, где, допустим, в арабском, падежная форма субъекта, трактуемого для нужд арабской грамматики как тема, механически строго регулируется.

В индоевропейском неизменной субъект может быть:

А. Адвербиальным, как в часто цитируемых немецких конструкциях:

20. *Außerhalb wird getanzt* *Hier wird nicht geraucht*
"Сегодня вечером танцы". "Здесь не курят."

Эти предложения, в отличие от, например, английского и французского, не требуют так называемых "временных" или "замещающих" субъектов типа *es, it, il*.

Б. Количественно характеризованным:

21. εἰσι... αὐτῶν καὶ παρὰ βασιλεί... ἐνθῆθεν θηρευθέντες (Геродот, 3.102.2) [16, с. 23] "[Некоторые] из тех, на кого там охотились, находятся и при царе". Авест. *urvaranqm za'ri gaonanqm zamāda uzixšyeinti* "Из земли вырастают желтые растения" [16, с. 10].

Предложения типа

22. Нем. *An die fünfzig Kandidaten haben sich gemeldet* "Около (почти) 50 человек явилось";

Греч. ἀλέθανον τῶν βαρβάρων κατὰ ἑξακισχίλιους ἄνδρας "Из варваров погибло около (почти?) 6000 человек" (Геродот, 6.117.1);

Лат. *Circa quingentos Romanorum... ceciderunt* "Около 500 римлян погибло"

имеют идентичную конструкцию, но немецкое *an* здесь следует рассматривать синхронно как простой модификатор, предшествующий именным формам. В результате утраты флексии эти именные формы, сопутствующие им. падежу мн. числа, не характеризованы в отношении падежа. Соответственно, уже латинское *ad* в таких конструкциях можно считать адвербиализованным [17—18]; отсюда, разумеется, вытекает, что грамматические субъекты такого типа стоят в том падеже, которым управляет предлог, превратившийся в "наречие" или, вернее, "модификатор", — в нашем случае это аккузатив.

Пока что мы касались только грамматического "субъекта" предложений, содержащих двух- или более валентный предикативный глагол с полной личной категорией, а не разных типов "безличных" конструкций, вроде лат. *Eos homines libidinis suae non pudet* "эти люди не стыдятся своих вожделений". К ним мы подойдем позже, в рамках обсуждения валентности. Такие предложения весьма часто, как в данном примере, не содержат среди нескольких своих "актантов" номинатива, но обычно имеют тенденцию диахронически преобразовываться в конструкции с номинативом. Такой синтаксис приобрел статус "нормального" грамматичного синтаксиса в индоевропейском: *Ei homines libidinem suam non pudet*. [19].

Все отмеченные черты указывают на то обстоятельство, что в раннем индоевропейском не было однозначного соответствия между какой-либо отдельной падежной формой и статусом грамматического субъекта предложения. Это может быть истолковано в том смысле, что падежи, — по крайней мере те, о которых мы говорили, — первоначально не имели специальной функции на синтаксическо-грамматическом уровне, и это служит дополнительным подтверждением распространившихся в последнее время теорий об изначальном эргативном синтаксисе индоевропейского.

Другой чрезвычайно важный аспект индоевропейской падежной грамматики и теории падежей тесно связан с грамматикой зависимостей, которую мы рассмотрим подробно, — с тем, чтобы показать, что разные элементы зависимости соответствуют формальным различиям, преобладающим в большинстве и.-е. языков, особенно древних. Нельзя эффективно сформулировать в сравнительном плане особенности и.-е. синтаксиса, не уделяв должного внимания различиям грамматики зависимостей и валентности.

Грамматика зависимостей.

Теория валентности и зависимостей, рассматривающая предложение с точки зрения поверхностной структуры и описывающая взаимоотношения его компонентов (это можно считать европейской реакцией на генеративный синтаксис), стремится различить разные степени зависимости от глагола как ядра предложения: прежде всего те элементы, которые необходимы при данном слове, а также те, которые, будучи факультативными или заменимыми на нуль, все же необходимы в предложении для сохранения семантического значения, и, наконец, совершенно факультативные с любой точки зрения и ничего не прибавляющие к содержанию других частей высказывания. Первые два типа называются актантами; количество и набор актантов, возможных при данном глаголе, определяется как его валентность (термин, заимствованный из химии). Следовательно, актанты можно назвать валентными дополнениями, а необязательные элементы — просто дополнениями или, для большей точности, невалентными дополнениями. Грамматика зависимостей различает, далее, элементы, зависящие от глагола, и элементы, зависящие от предложения в целом: свободные индикаторы, или дополнения предложения. Они всегда находятся либо в самом начале, либо в самом конце предложения, и это, между прочим, единственное грамматически релевантное утверждение о порядке слов в индоевропейском, касающееся изменяемых форм. Например:

23.	<i>Ea res est</i>	<i>Helvetiis</i>	<i>per indicium</i>	<i>enuntiata</i>
	Актант 1	Актант 2	Дополнение	Глагольное ядро
"Это	стало известно	гелльветам	благодаря доносу".	
Актант 1	Глагольное ядро	Актант 2	Дополнение	
<i>Interea</i>	<i>a lacu Lemanno</i>	<i>ad montem</i>	<i>murum</i>	<i>perducit</i>
		<i>Iuram</i>	<i>fossamque</i>	
Циркумстан- циальный ин- дикатор	Валентное допол- нение	Валентное до- полнение	Актант	Глагольное ядро
	1	2		
"Тем временем	он провел	стену и ров	от озера Леман до Юрских гор".	
Циркумстанци- альный инди- катор	Глагольное ядро	Актант	Валентное дополнение	Валентное дополнение
			1	2

Так как не всегда легко различить разные типы дополнений или циркумстанциальных индикаторов и довольно часто приходится ограничиваться семантически ориентированными субъективными предположениями, возникает вопрос, являются ли эти категории действительно лингвистическими, т.е. выражены ли они формально. Несомненно, они как-то соотносятся с падежами, так как затрагивают только неглагольные части предложения. Поскольку во многих языках для валентных и невалентных дополнений используются разные падежные формы, исследование в этом направлении древнейших форм и.-е. склонения может оказаться весьма плодотворным.

В действительности древнейшие и.-е. формы именного склонения дают хороший материал для формального различения валентных и невалентных дополнений. Рассмотрим, например, древнеиндийское склонение. Согласно древнеиндийским грамматикам, следует различать два типа окончаний в зависимости от типа соединения между основой и окончанием. Рассмотрим склонение именной основы, кончающейся на *-s*, по сравнению с отдельным словом, оканчивающимся на тот же согласный, и их сочетания со следующей фонемой, т.е. падежным окончанием в одном случае и новым словом — в другом:

24. Основа <i>janas-</i> "род, семья"	Наречие <i>tatas</i> "в то время"
Окончание	Результат
(число + па- деж)	Первый звук следующего слова

Sg. nom.-acc.	<i>janas-#</i> #	<i>janah</i>	<i>tatas</i>	#	<i>tatah</i>
instr.	<i>-ā</i>	<i>janasā</i> #		#ā...	<i>tata ā...</i>
dat.	<i>-e</i>	<i>janase</i> #		#e...	<i>tata e...</i>
abl.-gen.	<i>-as</i> #	<i>janasah</i> #		#a...	<i>tata a...</i>
loc.	<i>-i</i>	<i>janasi</i> #		#i	<i>tata i...</i>
Pl. nom.-acc.	<i>-:~si</i>	<i>janāsi</i>			
gen.	<i>-ām</i>	<i>janasām</i> #		#ā...	<i>tata ā...</i>
instr.	<i>#-b^his</i> #	<i>jan o b^hih</i>	≈	#b ^h ...	<i>tata b^h...</i>
abl.-dat.	<i>#b^hyas</i> #	<i>jan o b^hyah</i>	≈	#b ^h ...	<i>tata b^h...</i>
loc.	<i>#-su</i>	<i>janahsu</i>	≈	#s...	<i>tatah s...</i>

Формы, которые мы подчеркнули и отделили от основы символом #, называются окончаниями "падам" — "окончаниями слов", "окончаниями словесного типа": их соединении с предшествующим элементом основы напоминает соединение одного слова с другим; характерно, что они обычно пишутся отдельно от основы в тех текстах ("текстах-падам"), где используется *scriptura discontinua* (раздельное написание). Важным саидхи, или изменением при соединении, является, например, *-o* на месте *-as* или *-a* других падежных форм, у которых окончание слито с основой.

Более внимательное рассмотрение "падежей-падам" обнаруживает, что они невалентны, в то время как другие валентны или могут быть таковыми. Все сомнения относительно того, что это может быть случайным совпадением, опровергаются тем обстоятельством, что их "поведение" — неслияние основы и падежной морфемы — находит соответствие в сериях других связанных морфем, обычно рассматриваемых в качестве остатков именных падежей, например — и.е. *-ios*, которое, присоединяясь к прилагательному или наречию, образует свободные индикаторы, или дополнения предложения:

25. Лат. <i>fundi-tus</i>	"из глубины",	<i>antiqui-tus</i> "издревле",
<i>in-tus</i>	"внутри, изнутри";	
Греч. ἐκ-τός	"снаружи",	ἐν-τός "внутри, изнутри";
Скр. <i>anti-tas</i>	"в присутствии",	<i>agra-tas</i> "прочь от";
Др.-ирл. <i>ach-t</i>	"кроме";	

В хеттском ему соответствует (синкопированное) *-ts* — весьма интересная форма, являющаяся падежным окончанием как для ед., так и для мн. чисел: 26. *antuhsa-ts* "от человека/людей", *lengiya-ts* "от клятв/ы".

То же относится и к и.е. **-b^hi* (**-b^ha*), **-mi* (**-ma*) и т.д.:

27. Греч. (микен.) *erepateyo-pi* (= ἐλεφαντεῖο-φι) "(сделанный) из слоновой кости", (Гом.) *δύραφι* "от/у двери" (мн. *δύρατi*), *θεόφι* "от богов", *ί-φι* "силой", *κεφαλῆ-φι* "у головы", *ἐνῆφι* "на ложе" (мн. *ἐναί*).
Др.-в.-нем. *blinte-m-o* "слепому", *blintem* "слепым".

Однако в других языках мн. число приобретает особый показатель, например, в славянском и итальянском (в последнем случае морфема ограничена мн. числом): 28. Ст.-слав. *добрыи-м-ь* (тв.п. ед.ч.), *добрыи-м-и* (тв.п. мн.ч.)
Лат. *ciui-bu-s* "гражданин".

Подобным же образом греч. *-θεν* и противоположное ему *-δε*:

29. *ἐνῆθεν* "с ложа" (мн. *ἐναί*), *οὐρανόθεν* "с небес", *κεδίωνδε* "на равнину"; последний суффикс обнаруживается также в *Ἀθήναζε*, т.е. *Ἀθηνασδε* (основа этого слова — форма аккузатива мн. числа, характерного для названий средиземноморских городов), и в *οἰκόνδε*, *οἴκαδε* (пресуффиксальную основу последнего слова я рассматриваю как коллективное имя в падежной форме) "на территорию дома". Морфологически это скорее аккузатив ср. рода мн. числа, чем уродливый, но обычно предполагаемый [20] атематический, или "усеченный", аккузатив муж. рода ед. числа. Все эти суффиксы выражают невалентные отношения.

Итак, перед нами класс мнимых падежных суффиксов, которые отличаются от остальных следующими чертами:

1) В отличие от остальных, где число и падеж "спрессованы", слиты, эти суффиксы выражают только падежное отношение и безразличны к числу.

2) Они присоединяются к основе не так "плотно", как другие падежные суффиксы, которые выражают валентные отношения, — например, грамматического субъекта или объекта.

3) Подобно постпозиции, они присоединяются либо к чистой полной именной основе, либо к форме определенного падежа, как греч. -δε.

Последняя черта может указывать на их очень древнее происхождение. В самом деле, они отмирают, они непродуктивны, за исключением ведийского и хеттского; они застыли и исчезли в большинстве и.-е. языков. Следовательно, они отражают очень древнее состояние языка, общее для всего индоевропейского. На этой стадии развития языка различие между валентными и невалентными дополнениями, без сомнения, должно было четко выражаться в синтаксисе, поскольку оно оставило явные следы в морфологии. Итак, сравнительный индоевропейский синтаксис должен в полном объеме учитывать отношения зависимости и придать им адекватный статус в диахронии и сравнении.

Снякретизм падежей.

Как известно, важнейшим событием в истории всех и.-е. языков стал синкретизм падежей, вследствие которого первоначальное число морфологических падежей постепенно сократилось с семи до двух-трех, а в некоторых современных языках и до нуля. Кроме того, ни в одном из исторически засвидетельствованных языков нет полного набора падежных форм во мн. числе, так как во всех и.-е. парадигмах форма датива мн. числа слилась с аблативом.

С использованием критериев грамматики зависимостей становятся понятными различные случаи синкретизма падежей, т.е. совпадения двух или более падежных форм (сохраняющаяся форма берет на себя функции утерянных). Эти явления, имевшие место во всех известных нам языках, но не всегда одинаково, получали очень простое объяснение. Оно сводится к одной-единственной формуле, применимой ко всем случаям. Формула эта такова: Формы невалентных падежей принимают на себя функцию сходных с ними по смыслу валентных падежей.

Иными словами, источником всех синкретических падежных форм являются невалентные; вследствие этого они теряют свою адвербиальную функцию, и ее приходится восстанавливать с помощью соответствующих наречий, превращающихся таким образом в предлоги.

30. И.-е. **(oi)si* (лок. мн.) ≈ ¹¹греч. λόγοισι (Гом.), λόγι-σι (*лок. мн.) > лок.-инстр.-дат. (именуемый "дат." мн.)

*-is (инстр. мн.) ≈ греч. χόραις (атт.) (*инстр. мн.) > лок.-инстр.-дат. мн.¹² (именуемый "дат." мн.)

≈ Лат. *rosis* (*инстр. мн.) > лок.-инстр.-абл.-дат.-мн. (именуемый "дат.-абл." мн.)

*-h¹/m¹/os инстр. мн. ≈ лат. *ciui-bus* (*инстр. мн.) > лок.-инстр.-абл.-дат. мн. (именуемый "дат.-абл." мн.)

≈ гот. *zuni-m* (*инстр. мн.) > лок.-инстр.-абл.-дат. мн. (именуемый "дат." мн.)

*-I лок. ед. ≈ греч. ῥήτορι (*лок. ед.) > лок.-инстр.-дат. ед. (именуемый "дат." ед.)

*-I лок. ед. :: **-ī-* дат. ед. ≈ греч. οἴκοι лок. ед. :: οἴκῳ инстр.-дат. ед. (именуемый "дат." ед.)

*-^s/os абл. ед. ≈ скр., греч. (Гом.), лат. **абл. ед.* > адноминальный абл. ед. на *-ar¹³* (именуемый "ген." ед.).

¹¹ Соответствие мы обозначаем ≈, оппозицию — ::.

¹² В некоторых греческих диалектах различие между лок. мн. и уже синкретическим инстр.-дат. мн. еще сохраняется в местоименном склонении в послегомеровский период [21].

¹³ Различие между аблативной формой *тео* и адноминальной формой *τινος* [которая, впрочем, как и лат. *quibus*, возможно, происходит из прилагательного (см. ниже, примеч. 17)], развившейся в послегомеровский период, опять-таки сохраняется в греческом местоименном склонении вплоть до Геродота [21—22].

В свете этих фактов следует, видимо, пересмотреть теорию падежей, которая уделяет большое внимание тому, что называется локалистическим взглядом, а именно: что грамматические функции всех грамматических падежей развились из первоначально адвербиальных понятий, или значений падежных форм. Если сформулировать это синтаксически в терминах грамматики зависимостей, это равносильно утверждению, что валентные функции развились из невалентных понятий и что на первоначальной стадии развития языка грамматические функции не входили в спектр падежей. Падеж, считающийся точкой опоры этой теории, — аккузатив. Он развился из направительного падежа, поскольку движение к определенной цели напоминает направление действия на определенный объект, который, по терминологии Блумфилда, также называется "целью". Таким образом, "цель" действия была бы идентична "цели" движения, и это могло бы объяснить появление направительного падежа, ныне известного под названием аккузатива, в качестве грамматического.

Однако эти утверждения следует рассмотреть с точки зрения грамматики зависимостей. Является ли в действительности "направительный" падеж адвербиальным дополнением "места"? Направительный падеж, что совершенно естественно, сочетается с перфективными или "точечными" глаголами движения:

31. Лат. *domum* (acc.-dir.) *abire, uenire* "идти, прийти домой"; Греч. (Гом.) *θάλασον* (acc.-dir.) *κατεβήσεται* "спустился в покой"; *ἰκόμεθα δόματα* (acc.-dir.) *πατρόσ* "пойдем в дом отца"; Скр. *swagrham* (acc.-dir.) *prast'itah* "он отправился домой".

Но эти дополнения, как ясно показывает грамматика зависимостей, являются валентными при глаголах движения, как и дополнения "исхода", "происхождения", которые выражаются изначальным аблативом: ведь ни один глагол движения или каузации движения не имеет реального смысла, пока не указаны точка отправления или окончания движения (яли обе эти точки). Как следствие стоит также отметить, что глаголы изменения и превращения концептуально близки глаголам движения.

Таким образом, идентификация направительного аккузатива как валентного дополнения значительно ослабляет локалистическую точку зрения теории падежей. Можно применить тот же довод и к количественному аккузативу имен, обозначающих отрезки времени и сопровождающих непереходные дуративные глаголы, которые выступают даже и в пассивных трансформациях, точно так же, как глаголы с аккузативной валентностью:

32. Лат. *pedem distat* "отстоит на один фут";

Tris noctes peruigulau "Я не спал три ночи" (пасс.);

Nobis... nox est perpetua una dormienda "Нам предстоит спать одну непрерывную ночь";

Нем. (пасс.) *eine gut geschlafene Nacht* "хорошо проспавшая ночь";

Скр. *Pratīxatām kacçit kalam!*¹⁴ "Подожди некоторое время!"

То же самое применимо, конечно, и к глаголам местонахождения, таким, как "пребывать", "стоять" и т.д., при которых локативное дополнение актантно и обязательно, что представлено не слишком многочисленными глаголами, обозначающими чувства или отношения человека, которые в некоторых языках сочетаются с локативом или его синкретическими преемниками.

В силу всего сказанного кажется предпочтительным описывать именной синтаксис любого из и.-е. языков, а также сравнительный и.-е. синтаксис на основе валентности, а не падежных форм, которые являются морфологическими единицами и по сути не имеют отношения к синтаксическому описанию. Следует, однако, всегда иметь в виду, что грамматика зависимостей покрывает только область глагольных предложений, в то время как неглагольные предложения остаются вне ее пределов.

¹⁴ По причинам, изложенным в [9], я предпочитаю писать *ç* вместо традиционного *kç* и *ç* вместо *ç*.

Грамматика зависимостей позволяет ввести до сих пор не слишком часто использовавшуюся классификацию и.-е. предложений в соответствии с валентностью главного глагола, где невалентные, так называемые "безличные" глаголы отделяются от одно-, двухвалентных и т.д. Это имеет большое преимущество, которое мы лишь кратко отметим *en passant*: грамматика зависимостей столь тесно связана с синтаксисом падежей, что падежи, в которых выступают актанты, очень часто можно предсказать на основании количества и типа актантов в предложении.

На двух или трех примерах мы можем установить, например, что субъект двухвалентного глагола, один из актантов которого представляет собой номинализацию (т.е. абстрактное отглагольное имя или подчиненное предложение), необязательно стоит в номинативе:

33. Лат. *Eos homines (acc.) libidinis suae non pudet* "Эти люди (ном.) не стыдятся своих вожделений";

Нем. *Es träumte mir (dat.) ich wäre ein König* "Мне (дат.) приснилось, будто я царь";

Англ. *Methinks... ~ I think...* "Мне думается..." ~ "Я думаю..."

Это верно и в отношении предложений, где предикатом является адъективное сочетание со связкой или аналогичное качественное выражение:

34 Нем. *Mir (дат.) ist kalt* "Мне холодно".

Англ. *I (ном.) am cold*.

Франц. *J'ai froid*.

Скр. *Striyai (дат.) tapyate*

Нем. *Der Frau (дат.)*

"Женщине становится тепло".

wird warm.

Такие неноминативные субъекты обычно называются "психологическими", и на них может основываться адекватная семантическая классификация предикативных выражений. Важность этой классификации для наших целей заключается в том, что она имеет силу для всех и.-е. языков, и можно выявить общую диахроническую тенденцию: переход от этих конструкций к более обычному, или доминирующему, типу предложений с номинативным субъектом¹⁵.

Теория валентности и грамматика зависимостей, таким образом, совершенно необходимы для адекватного сравнительного и.-е. синтаксиса. Грамматика зависимостей с ее способами классификации различных компонентов предложения — это единственная область, где возможны грамматически значимые утверждения в сравнительном плане относительно порядка компонентов в и.-е. предложениях.

До сих пор мы имели дело с синтаксисом составляющих предложения, но синтаксис имеет также задачи как бы выше и ниже данного уровня, а именно: ниже — грамматическая зависимость между компонентами сочетания, выше — грамматическая зависимость между двумя предложениями, одно из которых включено в другое или добавлено к нему. Необходимо удостовериться, имеет ли смысл и на этих уровнях сравнение внутри и.-е. семьи.

Синтаксис именного сочетания.

Имеется несколько форм имени, грамматически способных сопровождать субстантивные ядра:

1) Вынесенная вперед именная основа, вместе с ядром образующая составное слово, функционирующее как имя:

35. Англ. *bug-killer, timetable, greatcoat, redcap, blue-eyed, four-legged, state park*;
Лат. *magnanimus, quadrupes, agricola*;

Греч. *μεγαλομανία, βιβλιοθήκη, ἀκρόπολις, ἀγρονόμος*

Особенно богаты такими конструкциями санскрит, греческий, германские языки. Семантические и синтаксические отношения между компонентами конструкций, наблюдаемые в приведенных примерах, такие же, как и во всех других типах.

¹⁵ См. выше с. 12 и [19].

2) Прилагательное в препозиции или постпозиции, производное от определяющего имени;

36. Англ. *civil law, childish behaviour, royal navy, electrical engineer*;

Франц. *carrosserie enfantine, langage enfantin, coiffure masculine, voie piétonne, organisme étudiant*¹⁶;

Греч. Νεστορέη (прил.) παρά νηϊ Πολυγυένεος βασιλῆος (ген.) "неподалеку, у Несторова корабля, царя, на Пилосе рожденного...";

Русск. *мужской костюм, детская книга*;

Лат. *senilis* (прил.) *amor* "старческая любовь", *folia laurea* (прил.) "лавровые листья".

3) Независимое имя в препозиции или постпозиции в специальной падежной форме, именуемой генитивом:

37. Англ. *men's suit, user's manual, customers' service, citizen's arrest, arrest of a citizen*;

Лат. *amor senis* (ген.) "любовь старика", *folia lauri* (ген.);

Англ. *(the) leaves of the laurel-tree* "листья лавра";

Греч. Νεστορέη (прил.) παρά νηϊ Πλυγυένεος βασιλῆος (ген.); см. выше (35);

Русск. *книга этих детей* (ген.)

Взаимоотношения и функции всех членов этой парадигмы конструкций в тех или иных языках широко обсуждались в литературе¹⁷; особенно много говорилось о предположительной эквивалентности адъективных и генитивных конструкций — грамматически (в отдельно взятом языке) или сравнительно (в двух различных языках), что видно из приведенных примеров. В то же время в этом контексте можно сделать некоторые дальнейшие наблюдения на сравнительном уровне, на котором с этими типами конструкций следует работать точно так же, как мы работаем с морфологическими парадигмами или с классами фонем. Очевидно, что общей и.-е. формы генитива нет; таким образом, генитив можно считать инновацией отдельных языковых групп. В некоторых языках генитив, главным образом местоименный, возник из прилагательных, образованных от местоименных основ¹⁸. Для сравнительного синтаксиса нужно выяснить, имеет ли синтаксическая парадигма два или три члена. Сопоставление разных языковых систем дает интересный результат: постепенное усиление генитива сопровождается постепенной утратой способности к образованию именных композитов. Следующая таблица показывает распространенность конструкций в разных языках (1 — наименее частотная конструкция; 4 — наиболее частотная):

38.	Скр.	Греч.	Герм.	Англ.	Лат.	Франц.	Ст.-слав.	Совр. слав.
Композиты	4	3	4	2	(1) ¹⁹	—	1	—
Производные прилагательные	2	2	2	1	2	2	3	3
Генитив	1	2	2	3	4	4	2	3

¹⁶ В некоторых синглах (официального) современного французского адъективация в синтагмах такого типа достигается за счет того, что имя без прибавления обычных словообразовательных суффиксов "приобретает род", что, разумеется, влечет за собой омоиманию базового имени (например, *étudiant*) и формы мужского рода "производного" прилагательного.

¹⁷ Об оппозиции "адъективной" и "генитивной" конструкций в ранней и классической латыни ("объективность" — "субъективность" с глагольной номинализацией, "определенность" — "неопределенность") см. [23 -24].

¹⁸ Хорошо известный пример — лат. *suus*, безразличное к роду, которое заменило более раннее прилагательное *suus, sua, suum*; возможно, и послегомеровское *tívos* (заменившее гомеровскую форму *ποῖος* "чей", изменяемую по родам) развилось скорее как адъективное суффиксальное образование (-ος), чем как результат аналогического процесса внутри склонения (аналогия с дативом *tívi*) на основе пропорции -i : -ος (датель : генитив "третьего" склонения); ср. примеч. 13.

¹⁹ Скобки означают, что данный способ рудиментарен или употребляется в очень ограниченных условиях.

Градации предложений внутри сложного предложения.

Точно те же соображения, которыми мы руководствовались в сравнительном синтаксисе сегментов, иерархически более низких, чем простое предложение, применимы и на более высоких уровнях простого предложения, т.е. на уровне связи двух предложений. Обычное утверждение о том, что в и.-е. синтаксисе имеется два способа связи предложений — сочинение и подчинение — справедливо, но лишь частично. К сожалению, при этом ничего не говорится о порядке двух соединенных предложений. В большинстве языков последовательность соединенных предложений может иметь значение на информативном или стилистическом уровнях, но грамматической функции не имеет. Предшествует ли условный протасис или временное придаточное предложение главному, или следует за ним, или даже вставлено в него, — это совершенно не связано с его грамматичностью. Однако, если, допустим, в латинском безразлично, скажем ли мы *Si iubes, abeo* "Если прикажешь, я уйду" или *Abeo, si iubes*, то на очень ранних этапах развития индоевропейского мы находим, что только одна последовательность подчиненного и независимого предложения грамматична, и это не имеет никакого отношения к логической связи двух предложений. Так, в раннем хеттском так называемые условные придаточные предложения, вводимые условным союзом *taku* "если", неизменно предшествуют аподосису; то же относится и к ведийскому *yad* "если" с индикативом [25]. Может показаться, что речь идет по крайней мере о двух парадигмах несочинительных союзов: одни предшествуют главному предложению, другие следуют за ним. Однако сразу же возникает довольно неожиданный вывод: на самых ранних стадиях индоевропейского некоторые из союзов, следующих за главным предложением, действительно являются маркером подчиненности, но не того предложения, в котором они находятся, а предшествующего. Это относится к хеттскому *ni*:

39. *Apa Hatusilis haswet. n(u)-apa apel DUMU^{mes}-ŠU... tarupantes esir.* "Потом, (когда) Хаттусили царствовал, [тогда] его сыновья собрались"

и к так называемому аподотическому *δέ* в гомеровском греческом:

40. *Τὸ... ὕβέρτατο, πῖπτε δβραζε* "(После того как) он перелетел, [тогда] он упал на землю".

Ни в одном из случаев маркирование подчиненности предыдущего предложения не является обязательным. Такая ситуация заставляет нас сделать вывод о том, что в этих языках есть не только подчинительные (субординативные), но и суперординативные союзы. В качестве курьеза можно добавить, что один из типов греческого церковного стиля впоследствии вновь приобрел суперординацию благодаря аподотическому употреблению союза *καί*, калькирующего древнееврейский союз, который имел среди прочих и эту функцию [26—27]. Эта же черта закрепилась и в библейском стиле европейских христианских языков и является одной из самых ярких его характеристик [28].

В отличие от подчинительных союзов, суперординативные союзы встречаются только во втором из двух соединенных предложений. Поэтому в начальной позиции парадигма синтаксической градации будет двучленной (подчинение и отсутствие подчинения), а в конечной позиции — трехчленной (подчинение, сочинение, суперординация). Задача сравнительного синтаксиса — установить, какие из древних и.-е. языков имели трехчленную категорию синтаксической "степени", а какие — не имели.

Интересно, что те два языка, для которых мы сумели установить суперординацию, географически близки: хеттский и гомеровский греческий. С диахронической точки зрения следует заключить, что суперординация была утрачена, и это сделало возможным более свободный порядок предложения. Но древнейший тип и.-е. предложения и в самом деле содержит все три степени синтаксической связи, которые можно обнаружить в некоторых типичных примерах из самых архаичных текстов. Они демонстрируют троякую структуру древних восточных

правовых установлений, таких, как законы Хаммурапи и Эшнуны, библейские предписания и законы хеттского кодекса (в нашем случае). Эта структура такова: если в результате определенных действий случится то-то и то-то, тогда законная реакция будет такой-то и такой-то. Это условная конструкция, ее протатическая часть сама по себе есть условное предложение, например:

41. Хетт. *Taku antuhsan kuiski hunktsi, ta an istarnktsi, nu apun sāktaitsi* "Если кто ранит человека, и тот будет болен, [тогда] он должен оказать ему помощь".

Но эти две условные структуры выражены по-разному. В то время как гипотетическое подчиненное предложение вводится подчинительным *taku*, заключительный аподосис маркирован суперординативным *nu*. Излишне упоминать о том, что это в точности отражает структуру аккадских законов, оказавших большое влияние на анатолийских законодателей²⁰.

*

Итак, возвращаясь к вопросу, сформулированному в качестве темы нашей статьи, можно утверждать: сравнительный и.-е. синтаксис возможен при условии, что мы будем использовать все ресурсы передовых синтаксических методов, чтобы с их помощью открывать и восстанавливать грамматические категории, актуальные на самых ранних, но исторически засвидетельствованных стадиях и.-е. языка*.

²⁰ Возможно, аналогичная структура сохраняется и в языке архаического латинского права: "Im ersten Glied werden die Voraussetzungen genannt, im zweiten steht die jeweilige besondere Bedingung, während endlich im dritten die sich daraus ergebende Anweisung vorgetragen wird" ("В первой части указываются предпосылки, во второй определяются специальные условия, и, наконец, в третьей — вытекающие из них следствия") [29]. Суперординативную функцию здесь, по-видимому, несет *igitur*, как в предложении: *Si in ius uocat, ni it, antestamino igitur, em capito* "Если вызывают в суд, а те не идут (= вызванные), тогда (вызванный) пусть будет свидетелем". Такое понимание *igitur* может быть подкреплено словами Феста (Festus, 105 M): *Igitur nunc quidem pro completionis significatione ualet, quae est "ergo"; sed apud antiquos ponebatur pro inde et postea et tum*. О суперординативном значении последней частицы см. [11, с. 389 и сл.].

* Автор выражает сердечную благодарность своей коллеге, д-ру Л. Савяцкой, сотруднице Отделения лингвистики Еврейского Университета в Иерусалиме, которая оказала неоценимую помощь в научном редактировании русского текста этой статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lehmann W.P.* Proto-Indo-European syntax. L., 1974.
2. *Bader F.* Structure de l'énoncé indo-européen // *Papers from the 7-th International Conference on historical linguistics* Amsterdam, 1987 (расширенный вариант под тем же названием — BSLP. 1986. LXXXI/1).
3. *Watkins C.* Preliminaries to the reconstruction of Indo-European sentence structure // *Proc. of the IX-th International congress of linguists*. Cambridge (Mass.), 1962. The Hague, 1961.
4. *Watkins C.* Towards Proto-Indo-European syntax: problems and pseudo-problems // *Papers from the paragession on diachronic syntax* / Ed. by Steever S.B. et al. Chicago, 1976.
5. *Dressler W.* Eine textsyntaktische Regel der idg. Wortstellung. (Zur Anfangsstellung des Prädikatsverbiums) // *KZ.* 1969. 83.
6. *Dressler W.* Über die Rekonstruktion der indogermanischen Syntax // *KZ.* 1971. 85.
7. *Гамкрелидзе Т.В.* Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. I—2. Тбилиси, 1984.
8. *Friedrich P.* Proto-Indo-European syntax // *JIES.* 1975. № 1.
9. *Rosén H.B.* Some more noteworthy features of "primitive" Indo-European syntax // *JIES.* 1987. 15.
10. *Rosén H.* On the use and the function of sentential particles in classical Latin // *Actes du V-e Colloque de linguistique Latine*. Louvain-la-Neuve, 1989.
11. *Rosén H.B.* Die "zweiten" Tempora des Griechischen: Zum Prädikatsausdruck beim griechischen Verbum // *Rosén H.B.* East and West: Selected writings in linguistics. I. München, 1982.
12. *Rosén H.B.* Rhème et non-rhème: enités de langue. Pour une typologie des moyens d'expression formels // *BSLP.* 1987. LXXXII/1.

13. *Gildersleeve B.L.* Problems in Greek syntax. II: The article // *AJPh.* 1903. V. 23. № 2.
14. *Rosén H.B.* Der griechische "Dativus absolutus" und indogermanische "unpersönliche" Partizipialkonstruktionen // *KZ* 1988. Bd. 101. № 1.
15. *Rosén H.B.* Sur quelques types de prédication en indo-européen ancien // *Rosén H.B. East and West. selected writings in linguistics. I.* München, 1982
16. *Nachmanson E.* Partitives Subjekt im Griechischen // *Göteborgs högsk. årsskrift* 1942. 48. 2.
17. *Szantyr A.* Lateinische Syntax und Stilistik. München 1964. S. 220.
18. *Löfstedt E.* Philologischer Kommentar zur Peregrinatio Aetheriae. Uppsala, 1911. S. 299.
19. *Rosén H.B.* Uterum dolet und Verwandtes. Zu einigen übersehenen frühlateinischen Zeugnissen impersonaler oder intransitiver Verbalkonstruktion // *Rosén H.B. East and West. Selected writings in linguistics. I.* München, 1982.
20. *Schwyzler E.* Griechische Grammatik. Bd 1. München, 1939. S. 552.
21. *Rosén H.* Eine Laut- und Formenlehre der herodotischen Sprachform. Heidelberg. 1962. S. 106 f.
22. *Rosén H.B.* Strukturalgrammatische Beiträge zum Verständnis Homers. Amsterdam, 1968. München, 1984. S. 110.
23. *Rosén H.* Studies in the syntax of the verbal noun in Early Latn. München 1981. P. 44—80.
24. *Rosén H.* On determination in Latin // *Jerusalem Hebrew Gymnasia 75-th anniversary volume.* 1962. P. CVI—CVIII. (на евр. яз., резюме — на англ. яз.).
25. *Delbrück B.* Altindische Syntax. Leipzig, 1888.
26. *Rosén H.B.* The comparative assignment of certain Hebrew tense forms // *Proc. of the Intern. Conf. on Semitic studies.* Jerusalem, 1965.
27. *Rosén H.B.* Retrouver la Bible à travers l'hébreu de nos jours // *Revue d'Histoire et de philosophie religieuses.* 1970. 2.
28. *Rosén H.* L'hébreu et ses rapports avec le monde classique // *Comptes rendus du Groupe linguistique d'études chamito-sémitiques Suppl. 7. P.,* 1979.
29. *Radke B.* Archaisches Latein. Darmstadt, 1981.